

ОБСУЖДАЕМ КАНДИДАТУРЫ, ВЫДВИНУТЫЕ НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

МОЛОДОСТЬ И ЗРЕЛОСТЬ

жизнерадостность ю
тона сочинения
Гайдна и мятежно-
страстные творения
Шумана; тончайшие
по прорисовке дета-
лей старинные ми-
ниатюры и эмоцио-
нально — напряжен-
ные образы совре-

РАЗГОВОР почему-то не клеился. На лице собеседника появилась не то усталость, не то легкое раздражение. Не удивительно: чувствую, что отнимаю драгоценнейшие минуты. Ведь едва переступив порог его квартиры, я столкнулась еще с одним корреспондентом и с двумя ученицами-аспирантками, дождавшимися консультации профессора. Да к тому же еще множество телефонных звонков — деловых разговоров то о работе кафедры Московской консерватории, которой заведует Мстислав Ростропович, то о Конкурсе имени Чайковского, то о занятиях в университете музыкальной культуры, организованном консерваторией. Еще какие-то звонки... Дела, важнейшие, неотложные дела...

И все же хочется побеседовать, хочется, чтобы Мстислав Леопольдович рассказывал...

— Ну что я могу вам рассказать?

В самом деле, что он может рассказать, если знаешь этого выдающегося артиста без малого два десятилетия, знаешь со студенческой скамьи, точнее с 17 лет, со дня поступления его в консерваторию в 1943 году. Если весь творческий путь музыканта известен до мельчайших подробностей: прослушано большинство московских концертов, прослежено за всеми гастролями (по стране и за рубежом), прочитаны многочисленные отзывы прессы. Что еще можно рассказать?

Интересуют события последнего времени? Но и о них уже известно очень многое. Вот кипа отзывов зарубежной печати о последних гастролях в Швеции, Дании, семи странах Латинской Америки и в Англии. Какими только эпитетами не награждают советского артиста: «великий русский виолончелист», «великий художник-интерпретатор», «истинный колосс виолончели», «Гагарин виолончели». Можно брать на выбор любую из рецензий, и каждая пестрит словами в превосходной степени — талантливейший, гениальнейший, величайший, изумительнейший. Что добавить еще?

Вот рецензия на вечера советской музыки (цикл из трех концертов был проведен Ростроповичем за одну неделю ноября прошлого года!), заметка о первом исполнении вместе со Святославом Рихтером Сонаты для фортепиано и виолончели Бенджамина Бриттена, которую английский композитор специально написал для советского виолончелиста и посвятил ему. О чем рассказывать?

Планы, замыслы, мысли о будущем? Ими всегда переполнена голова этого на удивление энергичного, экспрессивного, буквально влюбленного в жизнь человека. Пытливый интерес к окружающему, умение замечать все, чем заняты или озабочены другие, и никакой «отрешенности» от земного, часто

наблюдаемой у людей большого таланта (а ведь талант Мстислава Ростроповича огромен!), — таким был Слава, студент сразу двух факультетов консерватории (оркестрового и композиторского), таким остался и Мстислав Леопольдович — профессор Московской и Ленинградской консерваторий, заведующий кафедрой виолончели и контрабаса в столичном музыкальном вузе.

Талант, страстная жадность до жизни, до знаний, до большого искусства — вот что сделало его профессором уже в 32 года, а раньше, 28-летнему, принесло звание заслуженного артиста республики и того раньше, в 24 года, позволило удостоить высшей награды — Государственной премии за концертно-исполнительскую деятельность.

Энергия, воля, неугасимая творческая страсть художника — ключ ко всему, чего достиг музыкант, всемирно прославивший не только свое исполнительское искусство, но и всю советскую исполнительскую школу.

Энергия, воля, талант сопутствуют ему всегда — и когда 14-летний подросток заменил в Чкаловском музыкальном училище тяжело заболевшего отца — известного русского виолончелиста Леопольда Витольдовича Ростроповича и проводил занятия (это в 14 лет!) с учениками намного старше его, и когда, вопреки всем учебным планам, он закончил в три года пятилетний консерваторский курс и за два года аспирантуру. Они сопутствуют ему постоянно — когда в отличие от многих исполнителей он не удовлетворяется тем, что имеет верный успех у слушателей, и выискивает труднейший репертуар; когда на удивление «снобам» и скептикам составляет невиданный ранее ансамбль — виолончель и баян — и вместе со своим партнером Юрием Казаковым забирается в медвежьи углы нашей страны, туда, где многие классические и советские произведения звучат впервые. А его выступления в ансамбле с певицей Галиной Вишневской, когда Ростропович демонстрирует свое пианистическое дарование! Каким блестящим аккомпаниатором показал он себя здесь! Его успех был оценен даже за рубежом: «Ростропович не только виолончелист-виртуоз, но и законченный пианист... Он великолепно аккомпанировал своей супруге Галине Вишневской», — писала английская газета. Видите, как, виолончелиста называют законченным пианистом — «дерзкий» эксперимент музыканта оценен сполна! А ведь на такой эксперимент отважится далеко не каждый.

Разве случайно, что именно М. Ростропович почти «соучастник» в создании многих лучших образцов советской виолончельной литературы, что именно он стал их первым исполнителем.

«Посвящается Мстиславу Ростроповичу», «Посвящено М. Ростроповичу» — сколько подобных надписей можно прочесть на концертах для виолончели С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Р. Глиера, М. Вайнберга, Е. Голубева, А. Бабаджаняна, на виолончельных сонатах Н. Мясковского, В. Шебалина и на многих и многих других произведениях (всего их около двух десятков).

Неуемный творческий пыл заставляет музыканта искать новые и новые произведения. Порой в этом видится какой-то юношеский азарт. Сюиты Баха — цикл из шести сюит — такая труднейшая исполнительская задача в свое время принесла мировую славу выдающемуся виолончелисту Пабло Казальсу. И вот еще совсем юный Ростропович подвергает себя ответственной экзамену на творческую зрелость и сдает его блестяще. Цикл из всех бетховенских сонат, исполненных им со Святославом Рихтером, — столь же ответственный и творчески блестящий опыт. Программы, составленные только из произведений советских авторов, — кто из камерных исполнителей пробовал свои силы в таком репертуаре? Сонатные ансамбли с Дмитрием Шостаковичем, одним из любимых композиторов Мстислава Леопольдовича, постоянное участие в трио с Эмилем Гилельсом и Леонидом Коганом — все это свидетельство широчайших творческих интересов музыканта, постоянных поисков в искусстве новых тем, образов, красок, технических приемов. Очень характерно, что едва ли не в каждой концертной программе М. Ростроповича есть какое-нибудь «первооткрытие». И даже те произведения, которые хорошо знакомы слушателю, при каждом новом исполнении непременно обретают у него иные краски, ибо, как истинный художник, он никогда не останавливается на достигнутом, добиваясь

следующей, более высокой ступени мастерства.

Ему как музыканту-виртуозу, обладателю феноменальной техники (ее отмечали даже в первые годы концертной деятельности артиста) доступно буквально все. И, может быть, потому, что техника его на той ступени совершенства, когда ее абсолютно не замечаешь, когда в игре виртуоза все кажется на редкость простым, легким, доступным каждому, а талант музыканта, артистизм, темперамент несравнимы, он заставляет слушателей непременно поверить в высокую, неукоснительную правду создаваемых образов, хотя часто в своей трактовке отходит от принятых «норм», от исполнительских традиций.

Когда говоришь или пишешь о Мстиславе Ростроповиче, реже всего вспоминаешь о богатейшем арсенале выразительных средств, которыми он владеет поистине виртуозно. Нет, не это главное. Главное то, как при всей тончайшей продуманности, проработанности каждой детали он умеет сохранять цельность замысла, раскрывать форму целого, «обосновывать» драматическую логику развития и сопоставления музыкальных образов в произведениях любого стиля. Именно ясное ощущение формы произведения, вдумчивость, правдивость, художественная простота и непосредственность игры неизменно подкупают слушателей. В его трактовке никогда ничего не бывает «слишком» — слишком темпераментно, чувствительно или сухо; слишком драматично или легко; весело; он никогда не щеголяет виртуозностью или нарочитой простотой. Глубокая осмысленность замысла, колористическое богатство звуковой палитры позволяют ему смело ставить в своих программах сочинения, контрастные по характеру и стилю: уравновешенно-спокойные, отличающиеся светлой

жизнерадостность ю тона сочинения Гайдна и мятежно-страстные творения Шумана; тончайшие по прорисовке деталей старинные миниатюры и эмоционально — напряженные образы современной музыки; тревожно-драматический и поэтический рахманиновский язык, строгость стиля Баха или бурная экспрессия ритмов Хиндемита — сколько раз они «соперничали» в программах Ростроповича!

Есть одна удивительная черта в игре музыканта: свобода интерпретации, создающая впечатление непринужденного домашнего музицирования, очень часто сочетается у него с классической строгостью, внутренней сдержанностью, подсказанной тонким художественным чутьем, безукоризненным вкусом. Ростроповичу совершенно чужд какой бы то ни был шаблон и в построении программ, и в трактовке сочинения, и даже во внешней манере сценического поведения.

Жажда нового, стремление идти вперед, стремление сделать высокое музыкальное искусство достоянием все большего и большего круга людей определяют и новые замыслы музыканта.

— Что сказать о моих планах, — они очень велики. Музыка, настоящая, большая музыка классиков и современников должна войти у нас в каждый дом, в каждую семью. Что касается виолончельной литературы, я хочу, чтобы это были не считанные «дежурные» произведения, а по возможности все талантливое, что было создано в прошлом, что создается сегодня, завтра, в наши дни, в нашу эпоху.

Да! Замечательные успехи выдающегося советского музыканта-исполнителя оценены во всем мире, оценены высоко. Но они не привели его к самоуспокоенности, не остановили в развитии. И он работает, работает упорно, расширяет репертуар, совершенствует мастерство, чтобы принести новые и новые радости своим слушателям, прославлять советскую музыкальную культуру.

М. ИГНАТЬЕВА.

173